

«Кто видел Тулон, тот видел Трюю»: эвакуация союзников из города 18 декабря 1793 г.

Верченкова Виктория Владимировна

Аспирант

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: vika_verchenkova@mail.ru

Летом 1793 г. Тулон, главная база французского флота на Средиземном море, сдался войскам антифранцузской коалиции, чтобы избежать мести якобинцев за свое неповиновение. 18 декабря после трехмесячной осады город был взят армией Республики. Его падение стало неожиданностью для союзников, поскольку несмотря на свое тяжелейшее положение, они ежедневно надеялись на подход подкреплений и серьезно недооценивали возможности врага.

Эпизод эвакуации союзников из города представляет собой особый интерес для историка, поскольку в концентрированном виде показывает особенности взаимоотношений как внутри коалиции, так и отношение ее участников к поддерживавшим их французским роялистам. Как признает гражданский комиссар Тулона англичанин Гилберт Эллиот, «редко случалось, чтобы за такой короткий промежуток времени мы видели больше горя и ужаса, чем за последние четыре дня» [1].

Утром 17 декабря союзники узнали, что два главных форта города - Малгрейв и Фарон - захвачены республиканскими войсками. В тот же день на военный совет собрались командующие союзными контингентами и высший командный состав инженерных войск и артиллерии. Они признали невозможной дальнейшую оборону города и приняли решение об эвакуации. Флот необходимо было вывести из гавани как можно скорее, пока он не подвергся обстрелу. Также было решено использовать все возможные средства, чтобы вывезти тех, кто желает покинуть город, и погрузить на корабли всех больных и раненых. Боеспособные французские корабли предполагалось увести вместе с флотом англичан, а оставшиеся уничтожить, так же как военные склады и арсенал [2].

Привыкшие к шуму канонады и почти ежедневному зрелищу боевых действий, местные жители поначалу не придали большого значения падению форта Малгрейв. Губернатор города, английский генерал Дандас, вместо того, чтобы предупредить тулонцев о необходимости готовиться к отъезду, напротив, пытался скрыть от них всю серьезность последних событий. Он публиковал обнадеживающие прокламации и удвоил патрули, предотвращая скопления людей и призывая местных жителей оставаться дома. Тем временем отступление союзников все больше приобретало, по словам одного свидетеля, вид позорного бегства [3]. И только когда английские войска начали погрузку на суда, а неаполитанцы позвали своих тулонских друзей к себе на корабли, испанский адмирал Гравина, возмущенный тем, что союзники держат население в неведении, официально объявил об эвакуации. На смену неопределенности пришла паника [4]. В одно мгновение улицы заполнились обезумевшими от страха мужчинами, женщинами, детьми, которые, неся с собой вещи, бросились к порту.

Поскольку скрыть предстоящую сдачу города стало невозможно, губернатор Дандас изменил тактику: он попытался восстановить доверие к себе, написав в ночь с 17 на 18 декабря в муниципалитет, что не понимает ни причин паники, ни беспорядочного бегства жителей, ведь английское командование от имени своего короля обязалось предоставить им помощь и защиту, а сам он полон решимости использовать все средства, чтобы спасти их, если того потребуют события [5].

Тем временем республиканцы заняли покинутые гарнизонами форты и начали бомбардировку города. Одна из бомб попала в арсенал. Начался пожар, но союзники его быстро потушили. Вскоре обстрел республиканцев стал столь мощным, что в городе не осталось места, которое могло бы считаться безопасным.

Все население уже толпилось на пристани, где громоздились груды вещей, и с ужасом ожидало развязки. Многие из роялистов меняли свои взгляды, превращаясь в республиканцев, и сеяли страх своими угрозами и зловещими предсказаниями. Известие об этом дошло до сведения английских и испанских генералов. Обеспокоенные исчезновением белых кокард и изображений лилий с общественных зданий, они установили посты перед арсеналом и военно-морскими верфями.

Около одиннадцати часов неаполитанцы на Марсовом поле вступили в конфликт с местными жителями, ошибочно решив, что те оскорбляли их, и открыли огонь на поражение, застрелив нескольких гражданских. Звуки выстрелов еще больше усилили панику: многие подумали, что республиканцы уже ворвались в город[6].

Смятение и шум на улицах был невыразимыми, крики ужаса перемешивались с республиканскими песнями. Родители искали своих детей, отцы искали свои семейства, раздавались крики с обвинениями англичан в предательстве. Мысль «спасайся, кто может» овладела всеми. Вывоз из города союзников и местных жителей начался ночью на рыбацких и на торговых суденышках, которых в порту было много, но недостаточно, чтобы доставить на корабли всех желающих. Обезумев от страха, люди стремились получить места в лодках: одни - за золото, другие - силой оружия. Доходило до смертоубийства. Порою перегруженные шлюпки опрокидывались, и их пассажиры тонули. Тонули и те, кто вплавь пытался достичь кораблей.[7] Вскоре на прибрежные районы города и на рейд стали падать бомбы республиканцев, топя лодки с людьми.

Официальная эвакуация началась рано утром 18 декабря и завершилась к рассвету следующего дня. Около десяти часов утра пришли лодки, чтобы вывезти больных, раненных, артиллерию, багаж и все остальное, но из-за отсутствия достаточного количества транспорта, многое пришлось оставить. Чтобы зарезервировать лодки для беженцев, были запрещены все частные перевозки[8].

Волнение продолжалось в городе все утро. Несколько раз поднималась тревога из-за ложных известий о наступлении республиканцев. Выдвигались предложения вступить в переговоры с ними. Жители в огромном количестве стекались на пристань, умоляя взять их на корабли[9]. У большинства из них не было даже смены одежды, некоторые семьи не имели и пяти гиней (британская золотая монета), а ведь всего лишь несколько дней назад они обладали значительными состояниями. Для поддержания порядка были удвоены кавалерийские и пехотные патрули по всему городу.[10].

Как свидетельствует руководивший посадкой капитан Сидней Смит, обстановка становилась все более нервной из-за плача женщин и детей, вынужденных вместе со своими мужьями или отцами покинуть дома, бросив всё имущество. Они боялись за свои жизни, ожидая, что вошедшие в город республиканцы устроят резню. Общее смятение усиливали нетерпение офицеров и грубость солдат, требовавших, чтобы их отправили на корабли в первую очередь[11].

Уже после выхода эскадры союзников из порта 21 декабря пришлось передавать беженцев с одного корабля на другой, чтобы разбросанные при посадке по разным судам семьи смогли воссоединиться. Женщины, повиснув на лодках, пытались обеспечить себе таким образом пропуск на корабли[12].

Деморализация охватила не только местных жителей, но и военных. Некоторые корабли поспешно снялись с якоря и без приказа покинули рейд, опасаясь обстрела из фортов Малгрейв и Балагьер. Это встревожило войска на берегу, которые боялись, что моряки

их бросят на произвол судьбы.

Еще до начала эвакуации все неаполитанцы ушли из города, не поставив в известность губернатора Дандаса и адмирала Худа, командовавшего всеми союзными войсками. Уже в ходе военного совета было получено донесение губернатору от английского капитана Элфинстоуна, где сообщалось, что неаполитанский полковник, командовавший войсками на мысе Бран, прямо заявил, что, если на него нападут, он не станет обороняться и сразу же отступит со всеми его людьми. На следующее утро губернатору сообщили о том, что и командир неаполитанцев на посту Сепет не хочет защищать свои позиции[13]. Эллиот также докладывал, что неаполитанские офицеры, не предупредив ни Дандаса, ни Гравину, ни кого бы то ни было еще, собрали свои вещи и заполонили примыкающие к набережной улицы, собираясь уехать вечером 17-го[14].

Отступление проходило в величайшей спешке. Командовавший сардинцами Таон де Ревель свидетельствует о том, что союзные войска побросали почти все свое имущество[15]. Дандас в письме от 21 декабря сообщал, что о погрузке всего багажа не могло быть и речи, а потому все тяжелое оставлось на берегу, как, впрочем, и его собственные вещи[16]. 7 января 1794 г. он писал, что войска «полностью лишены (независимо от их личных потребностей) всего необходимого для боя»[17]. Он оценивал личные потери офицеров в более чем 3000 фунтов стерлингов, а более 900 человек потеряли даже вещмешки и предметы первой необходимости[18]. Таким образом, офицеры и солдаты увозили с собой только амуницию и оружие: команды шлюпок старались погрузить как можно больше больных и раненых, а затем - беженцев.

Около девяти-десяти часов вечера был открыт огонь по оставшимся на верфях и в гавани французским кораблям и по арсеналу. Десять линейных кораблей вместе со складом мачт и большими запасами пеньки, а также некоторыми другими постройками были полностью или частично уничтожены. Сидней Смит, отвечавший за уничтожение кораблей, опрометчиво поджег их еще до завершения эвакуации, чем только усилил панику среди гражданского населения. Небо озарил пожар в арсенале, откуда вскоре повалили густые клубы дыма. Взрывы довершили деморализацию солдат и местных жителей.

Флот поднял паруса сразу же после завершения эвакуации с берега войск и местных жителей: британцы, итальянцы и испанцы направились в бухту Йерса, откуда впоследствии разошлись по своим портам[19].

Фрерон, один из представителей Конвента на юге, ставший свидетелем завершающего этапа осады, подсчитал, что из Тулона эвакуировалось примерно 12 тыс. человек[20]. Позже Худу будут приписывать оценку в 14 тыс. человек[21]. Однако скорее всего все эти цифры завышены: чаще в историографии говорят о примерно 7,5 тыс.[22]

Что касается числа вывезенных беженцев, то и тут оценки сильно разнятся. Гилберт Эллиот насчитывал их по меньшей мере 4 тыс., из которых 2-3 тыс. находились на английских кораблях[23]. По современным же подсчетам общее количество тулонских эмигрантов составляло чуть более 2,7 тыс. человек, из которых 1469 были взрослыми мужчинами: священники (1,5%), офицеры и высокопоставленные администраторы (16%), знать (20%), простолюдины, две трети из них составляли клерки, ремесленники и мелкие лавочники - категории населения, особенно замешанные в восстании (более 60%), рабочие верфи и моряки, почти не участвовавшие в секционном движении, имели гораздо меньшую мотивацию к бегству (14%)[24].

Тулонские беженцы оказались рассеяны по всему западному Средиземноморью: одни добрались с испанцами до Балеарских островов и Пиренейского полуострова; другие - с неаполитанцами до Южной Италии; третьи - с британцами до о. Эльба, Корсики и, в большинстве своем, до Тосканы[25]. Когда война перекинулась на Апеннинский полуостров, многие уехали в новые места, а те, кто играл не играл заметной роли в восстании,

получили возможность вернуться во Францию.

Трудно сравнить что-либо с судьбой Тулона - города, который, стремясь избежать власти якобинцев, пострадал от бедствий, обычно сопровождающих иностранную оккупацию. Хотя страшная ночь эвакуации, озаренная пламенем горящих зданий и отмеченная массовой паникой, поставила точку в истории оккупации, на ней бедствия Тулона не окончились. В последующие дни и месяцы его жителям пришлось испытать ужасы Террора, принесенного с собой «освободителями».

[1] Sir Gilbert to Lady Elliot, 20 December / *Barrow J. Life and Letters of Sir Gilbert Elliot, First Earl of Minto, from 1751 to 1806. Longmans, Green and Company, 1874. P. 199.*

[2] Summary account of the proceedings of the Fleet and Army, employed at Toulon, in 1793, with observations on the claim that has been made by Admiral Lord Hood, for the remuneration of the Navy exclusively for that service. P. Norbury, 1805. P.12.

[3] Despatch from Sydney Smith to Rt. Hon. Henry Dundas / *Barrow J. Opt. cit. P. 206.*

[4] *Cotton P. Toulon et les Anglais en 1793, d'après des documents inédits. Paris, 1898. P. 317.*

[5] *Ibid. P. 317.*

[6] *Gaceta de Madrid: núm. 5, de 17/01/1794. P. 75.*

[7] *Cotton P. Opt.cit. P. 319.*

[8] *Rose J.H. Lord Hood and the Defence of Toulon. Cambridge, University Press, 2014. P. 76.*

[9] Summary account of the proceedings of the Fleet and Army, employed at Toulon, in 1793, with observations on the claim that has been made by Admiral Lord Hood, for the remuneration of the Navy exclusively for that service. P. Norbury, 1805. P.13.

[10] Despatch from Sydney Smith to Rt. Hon. Henry Dundas / *Barrow J. Opt.cit. P. 206.*

[11] Sydney Smith to William Hamilton / *Ibid. P. 150.*

[12] Logs of the «Princess Royal» (Log of Captain J. C. Purvis) / *Rose J.H Opt. cit. P. 110.*

[13] Hood to H. Dundas, Victory, Hieres Bay, December 20 (rec. January 15, 1794) / *Rose J.H. Opt.cit. P.159.*

[14] Despatch from Gilbert Elliot to the Rt. Hon. Henry Dundas, Victory, Bay of Hyères, December 20 / *Barrow J. Opt.cit. 206.*

[15] *Rose J.H. Opt. cit. P. 77.*

[16] *Ibid. P. 77.*

[17] *Ibid. P. 77.*

[18] *Ibid. P. 77.*

[19] Summary account of the proceedings of the Fleet and Army, employed at Toulon, in 1793, with observations on the claim that has been made by Admiral Lord Hood, for the remuneration of the Navy exclusively for that service. P. Norbury, 1805. P.14.

[20] *Lettres de Barras et de Fréron en mission dans le midi ([Reprod.]) / [éd. par] Edmond Poupé. Latil frères (Draguignan) 1910. P. 96.*

[21] *Rose J.H.. Opt. cit. P. 78.*

[22] *Crook M. Toulon in War and Revolution. Manchester, UK: Manchester University Press, 1991. P. 148.*

Rose J.H. Lord Hood and the Defence of Toulon. Cambridge University Press, 2014. P. 78.

[23] Sir Gilbert to Lady Elliot, 20 December / *Barrow J. Opt. cit P. 200.*

[24] *Crook M. Opt. cit. P. 148.*

[25] *Crook M. Opt. cit. P. 148.*

Источники и литература

- 1) 1. Barrow J. Life and Letters of Sir Gilbert Elliot, First Earl of Minto, from 1751 to 1806. Longmans, Green and Company, London, 1874.
- 2) 2. Cotton P. Toulon et les Anglais en 1793, d'après des documents inédits. Paris, 1898.
- 3) 3. Crook M. Toulon in War and Revolution. Manchester, UK: Manchester University Press, 1991.
- 4) 4. Lettres de Barras et de Fréron en mission dans le midi ([Reprod.]) / [éd. par] Edmond Poupé. Latil frères, Draguignan, 1910.
- 5) 5. Rose J.H. Lord Hood and the Defence of Toulon. Cambridge, University Press, 1922.
- 6) 6. Summary account of the proceedings of the Fleet and Army, employed at Toulon, in 1793, with observations on the claim that has been made by Admiral Lord Hood, for the remuneration of the Navy exclusively for that service. P. Norbury, Brentford, 1805.